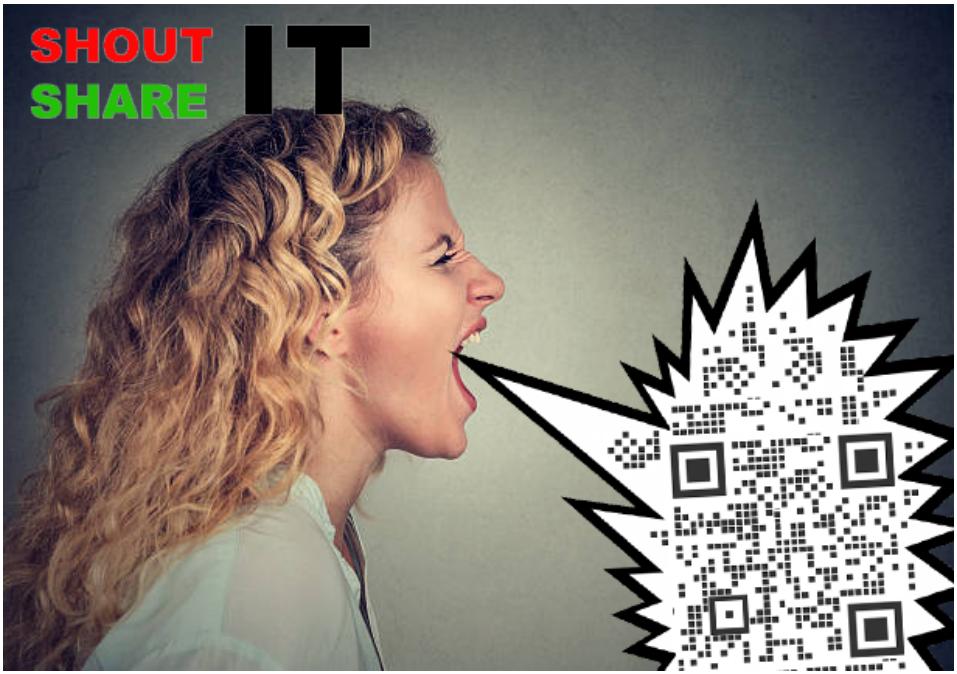
Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

Наследник Карла V, сын его от Елизаветы Португальской, Филипп II родился в Вальядолиде 21 мая 1527 года. Имея от роду более тридцати лет, при восшествии своем на престол король задался великою мыслию, чтобы царствование его было продолжением царствования отцовского. Жаль только, что Филипп II упустил при этом из виду, что австроиспанская держава, по непреложному закону судеб, достигла в развитии своем тех пределов, за которыми для каждого громадного и могучего государства уже начинается разрушение.

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5

Кондратий Петрович Биркин
Филипп II, король испанский

Кардинал Гранвелла. – Елизавета Валуа. – Фердинанд Альварец де Толледо, герцог Альба (1556–1598)

К разочарованию в жизни и совершенному отчаянию человек может дойти двумя диаметрально противоположными путями: или благодаря неизменному счастью, или, напротив, вследствие постоянных неудач и обманутых надежд… Точно то же, что и в организме человека, который от голода умирает с теми же самыми симптомами воспаления желудка, с которыми он умирает от его переполнения. Крайности сходятся.

Говорят, человек не может жить без надежды; от колыбели до гробовой доски она ведет нас по жизненному пути, ободряя нас и придавая нам силы обаятельности своими миражами и, буквально, воздушными замками. Без этой путеводительницы человек падает духом, жизнь теряет для него малейшую привлекательность, и он как величайшего блаженства жаждет смерти. Таких несчастливцев вообще немного, потому что чаще всего под влиянием безотрадной тоски они добровольно лишают себя жизни, бывшей для них рядом обманутых надежд, досадных неудач и жестоких ошибок в людях. Представим себе теперь человека, с первой минуты появления своего на свет щедро осыпанного всеми благами, которыми только может судьба одарить смертного: знатностью, богатством, удачливостью и т. д. За что бы подобный счастливец ни взялся, ему успех во всем; чего бы он ни пожелал – все исполняется как по мановению волшебного жезла; пожелай он, кажется, невозможного – и для него сама природа изменит свои законы. Доходит этот счастливец, наконец, до того, что ему уже и желать нечего, а следовательно, и надеяться не на что; тогда надоедают ему почести, слава, богатство; тогда он завидует последнему нищему и в полном сознании великой их истины повторяет слова: «Все суета сует-ствий и всяческая суета!»

Таково было душевное состояние обладателя высочайшей монархии в мире императора Карла V лет за пять до его кончины. На высоте величия, обремененный лаврами, несметными сокровищами, в виду народов, раболепно коленопреклоненных перед ним, Карл осознал нищету благ земных, ничтожество величия, тленность богатств и решился остаток дней своих посвятить Богу. По мнению некоторых историков, Карл V,

наследовав от матери[1] наклонность к сумасшествию, помешался под старость лет на неотразимой идее религиозной мании. Легко может быть, что наследственный органический недостаток имел влияние на странный переворот в характере Карла, но причиною этого переворота был во всяком случае апогей могущества, которого достиг великий император. Не довольствуясь своим погребением заживо в убогой келье монастыря св. Юста, Карл, как известно, в один прекрасный день приказал совершить над собою обряд погребальный и, лежа в гробу, слушал пение Reguiem и De profundi's. Последние два года жизни он провел в чтении душеспасительных книг, в беседах с монахами и в занятиях механикою. По целым дням развенчанный император просиживал над разборкою и сборкою колес и пружин часов, которыми были увешаны стены его кельи. Он ломал себе голову над разрешением неразрешенной задачи: заставить несколько часовых механизмов ходить не отставая, не убегая вперед друг от друга; но, разумеется, никак не мог добиться этого явления, возможного только в наше время с помощью гальванической силы. Карл, сравнивая свои стенные часы с людьми, решил, что между первыми так же невозможна одинаковая верность хода, как равенство между последними. Сравнение бесспорно остроумное, но полупомешанный монах св. Юста мог бы еще лучше уподобить громадную свою империю сложному механическому аппарату, им в течение многих лет строенному; аппарату, которому Карл служил главной боевой пружиной. Слагая с головы своей венцы империи и королевств, Карл как будто на части разобрал сложенную им машину. В 1554 году он уступил сыну своему Филиппу II королевства Неаполитанское и Сицилийское; 23 октября следующего года отдал ему во власть Нидерландские штаты; наконец, 17 января 1556 года отрекся в его пользу от престолов Испании, Австрии, обеих Индий и от всех своих владений во всех четырех частях света. В сентябре 1558 года он скончался, оставив по себе неизгладимую память на скрижалях истории.

Наследник Карла V, сын его от Елизаветы Португальской, Филипп II родился в Вальядолиде 21 мая 1527 года. Имея от роду более тридцати лет, при восшествии своем на престол король задался великою мыслию, чтобы царствование его было продолжением царствования отцовского. Жаль только, что Филипп II упустил при этом из виду, что австроиспанская держава, по непреложному закону судеб, достигла в развитии своем тех пределов, за которыми для каждого громадного и могучего государства уже начинается разрушение. В библейском сказании о столпотворении вавилонском таится глубокий

символический смысл: вавилонскому столпу можно уподобить каждое царство земли, которое возрастает, расширяется, усиливается, но и разрушается в ту самую минуту, когда, по-видимому, дорастает чуть не до небес. Ту же мысль, что Испания в могуществе своем достигла крайнего предела, мог выказать Филиппу II герб его королевства – Геркулесовы столбы и знаменательный девиз: «Non plus ultra» (Не далее). Но собственную волю новый король ставил выше законов здравого смысла.

Приступая к характеристике этой знаменитой исторической личности, мы не можем не заимствовать нескольких строк у бессмертного Шиллера, изучавшего характер испанского деспота с двоякой точки зрения: поэта и историка. Трудно решить, насколько Шиллер был правдив как историк в своей трагедии «Дон-Карлос», насколько он был поэт при очертании характера Филиппа II в своей «Истории отпадения Соединенных нидерландских штатов», но как бы то ни было, и в трагедии, и в истории Шиллера Филипп II является лицом живым; от каждого его слова веет тем леденящим ужасом, который овладевал теми, которые имели несчастие видеть и слышать этого сына Карла V, и мы твердо убеждены, что Филипп II был именно таким, каким его изобразил Шиллер. Вот что он говорит об испанском Тиверии.[2]

«Душе этой не были доступны ни веселость, ни благосклонность. Первое чувство было подавлено в нем мрачною обстановкою нежнейшего его детства, второго люди не могли дать ему, так как между ними и королем не было никакой могучей связи. Скудный разум его был замкнут двумя идеями: собственным своим я и тем, что сам Филипп признавал выше этого я. Эгоизм и религиозность – вот вся суть и программа всей его жизни. Он был король и христианин и оставался постоянно дурным королем и дурным христианином. Человеком для людей он никогда не был по той причине, что, умея только превозноситься, никогда не умел снисходить с высоты своего величия. Вера его основывалась на мрачности и жестокости, потому что самое божество, по его понятиям, было существом ужасным, никогда не милующим, а только карающим. Не прося ничего от Бога, он умел только его бояться. В глазах человека обыкновенного в Боге утеха и спасение; но король Филипп видел в божестве какое-то страшилище, подавляющую силу, полагающую предел его человеческому могуществу. Его благоговение к божеству было тем глубже и искреннее, что оно не распространялось ни на какое другое существо. Он раболепно трепетал перед Богом, потому что только перед Ним и мог трепетать. Карл V был благочестивым сыном церкви, за услуги

ему церковью оказанные; Филипп чтил ее по убеждению. Отец мечом и огнем истреблял тысячи людей, усердствуя о распространении догматов, над которыми глумился сам, издеваясь над папою, своим пленником; сын отважился вступить в борьбу с папою, скрепя сердце и вопреки голосу совести, но отказался от плодов своих завоеваний, как отказывается кающийся разбойник от своей добычи. Карл был варваром по расчету; Филипп – по призванию. Первый был человек ума мощного и просвещенного и, может быть, вследствие этого именно был лукавее; второй, будучи ограниченного ума, был, однако же, правдивее отца».

Таков был Филипп II; таковы были его отношения к Богу и к людям. Каждый деспот оправдывал свои тиранства благими целями: Людовик XI, Христиан датский, Эрик шведский, наш Иван Грозный проливали кровь знатнейших вельмож ради упрочения единовластия… Филипп II был душегубцем и кровопийцею ради распространения истинной веры, которою – по его мнению – был католицизм. Сподвижниками Ивана Грозного были палачи-опричники; сподвижниками Филиппа II – инквизиторы. Видя в Боге не Спасителя рода человеческого, но Молоха, алчущего крови, Филипп, именуясь королем христианнейшей державы, был не чем другим, как языческим жрецом, приносившим своему кумиру бесчисленные жертвы. Быть добрым Филиппу II было не в кого: ни отец, ни мать не отличались мягкосерди-ем. Воспитание могло бы смягчить его суровый нрав и жестокое сердце, если бы оно доверено было людям порядочным, а не палачам в монашеских рясах. Эти наставники внушали ему чуть не от самой колыбели, чтобы он точно так же боялся Бога, как его, Филиппа, должны бояться будущие его подданные, и до гробовой доски Филипп II был верен этим правилам. Изуверство, привитое ему в детстве, не препятствовало ему в юности предаваться порывам бурных своих страстей, в особенности сластолюбия; но в самой любви, наслаждаясь только чувственно, Филипп никогда не искал поэзии. Взгляд его на любовь не был даже взглядом эпикурейца, а просто циника. Четыре раза он был женат и ни к одной из четырех жен не чувствовал ни малейшей приязни, так как все четыре брака были делом политики. На первой супруге Марии Португальской он был женат еще при жизни отца и жил с ней недолго. В год отречения Карла V (1554) Филипп отправился в Англию для бракосочетания с королевою Мариею Тюдор, с которою он разъехался после четырнадцатимесячного сожительства. К счастию для человечества, брак этот был бесплоден. Третьей супругою Филиппа II была принцесса

французская Елизавета Валуа, дочь короля Генриха II и Екатерины Медичи. Просватанная сначала за сына Филиппа, инфанта Дон-Карлоса, молодая, прелестная собою принцесса вследствие политических соображений должна была выйти за его отца. Эта замена одного другим была, как увидим, источником страшной драмы, разыгравшейся в семействе испанского короля. Четвертой супругою Филиппа II была Анна, эрцгерцогиня австрийская. Уклонение Генриха II от соблюдения договора, заключенного с Карлом V в Воселле, побудило Филиппа объявить Франции войну, которую он вел два года, и весьма успешно. Кроме австро-испанских войск под знаменами Филиппа были сардинцы, фламандцы и англичане. 10 августа 1557 года герцог Савойский, Эммануил Филиберт, одержал над французами блистательную победу при Сен-Кантене (S.Quentin). Представляясь после того королю, герцог хотел поцеловать у него руку.

– Мне следует поцеловать вашу, – сказал ему Филипп, – за те лавры, которыми она покрыла ваше оружие.

При осаде Сен-Кантена, защищаемого адмиралом Колиньи, Филипп II принимал личное участие в военных действиях. Свист пуль, рев ядер, стоны раненых и вопли сражавшихся произвели на короля весьма неприятное впечатление.

– Нравится вам эта музыка? – спросил он у сопровождавшего его духовника.

– Признаюсь, не нахожу в ней ни малейшей приятности, – отвечал тот.

– И я точно так же удивляюсь, как мой покойный отец мог восхищаться ею! – заключил Филипп.

С этого же дня он отказался от всякого соучастия в ратных подвигах своих войск. Человек с тактом, испанский король замаскировал врожденную свою трусость шутливою заметкою о свисте пуль, назвав ее «неприятною музыкою». Как и в этом, видна истинно сатанинская гордость этого полуденного демона, как называли его протестанты! После семнадцатидневной осады Сен-Кантен был взят; той же участи вскоре подверглись Кателе, Гам и Нюйон. Победа, одержанная над маршалом де Термом (de Thermes) при Гравелине, завершила успехи оружия Филиппа II во Франции, и давно желанный для последней мир был заключен в Шато-Камбрезисе 13 апреля 1559 года. К вящему упрочению договора Генрих II отдал руку дочери своей Елизаветы королю испанскому.

Желая достойным образом почтить память св. Лаврентия, в день которого (10 августа) была одержана победа при Сен-Кантене, Филипп II по возвращении своем в Испанию заложил

Эскуриальский дворец, построение которого обошлось в шестьдесят миллионов золотых. По идее самого короля образцом для плана дворца послужило орудие истязания св. мученика Лаврентия: решетка, на которой он был сожжен… Как в этом виден инквизиторский вкус Филиппа II! По крайнему его разумению план дворца в виде клетчатой решетки был верхом изящества и художественного вкуса.

Разбои корсара Драгута на Средиземном море требовали немедленных и решительных мер к их пресечению. Экспедиция адмирала Медина-Цели в Триполи не увенчалась успехом точно так же, как и вторая под предводительством Пиали: из десантных испанских войск, высадившихся на берега Африки, свыше четырех тысяч солдат погибло от моровой язвы… Наконец победа, одержанная над корсаром эскадрою Франциска Мендо-сы, вознаградила отчасти Филиппа II за недавние неудачи и до некоторой степени сделала безопасным торговое плавание по Средиземному морю. В 1560 году, после пребывания в Нидерландах, Филипп II возвратился в Испанию морем и у берегов Ларедо в Бискайи потерпел страшную бурю, поглотившую везомые им из Фландрии сокровища, состоявшие из художественных произведений. Здесь кстати заметим, что море вообще было как-то враждебно обладателю полумира: буря постоянно преследовала его флот, и все столкновения его с морскими державами, Англией и Голландией, оканчивались неудачами. По прибытии в Вальядолид король ужаснул весь город и двор зрелищем аутодафе, в сравнении с которым индусские религиозные душегубства могли показаться ребяческими забавами. Тридцать три иноверца по приговору инквизиции в присутствии короля были возведены на костры и обращены в пелел во славу и утверждение Церкви Христовой! Этот праздник каннибалов, кощунствовавших над законом Спасителя, был ознаменован эпизодом, при котором характер Филиппа II обнаружился в полном блеске. Приговоренные к смерти в желтых балахонах и колпаках, с нарисованными на них фигурами бесов и огненных языков проходили мимо трибуны, на которой восседали король, весь двор и духовенство. Один из несчастных, богатый протестант Сеса, под обаянием смертного ужаса, почти обезумев от мысли о предстоящих муках, простирая руки к королю, отчаянно воскликнул:

– Государь! Да неужели это зрелище может вас тешить или радовать! Ведь мы люди, созданные тем же Богом, который дал вам всемогущество и силу… Именем Божиим заклинаю вас – сжальтесь над нами, пощадите!..

– Именно потому-то, что я чту имя Божие, – отвечал король, –

я не хочу и не смею щадить еретиков. Если бы сын мой был уличен в том же самом преступлении, в котором вы уличены, я бы своеручно сложил ему костер и поджег бы его бестрепетно!

И бестрепетно, не шевельнув ни единым мускулом своего недвижного лица, Филипп смотрел, как тридцать три мученика были возведены на костры, как запылали они и как эти люди, корчась от боли, ревели голосами, от которых должен бы был содрогнуться самый ад. С этими воплями слились голоса духовенства, воспевавшего литании и величании… Эта «музыка» была для ушей короля-изувера, конечно, приятнее свиста пуль, о котором он с таким неудовольствием отзывался под стенами Сен-Кантена.

Этим временем начались волнения в Нидерландах, продолжавшиеся девятнадцать лет (1560–1579) и окончившиеся освобождением республики из-под ненавистного испанского ига. Следить за ходом этой революции с должной последовательностью было бы для нас трудом непосильным и тем более, что история этого великого переворота написана пером гениального Шиллера. К этому мастерскому произведению отсылаем любознательного читателя,[3] ограничиваясь беглыми характеристическими очерками шести наместников Филиппа II, сменившихся в девятнадцатилетний период революции в Нидерландах. Правителями этими были: Маргарита, герцогиня Пармская, при содействии кардинала Гранвеллы, герцог Альба, Реквесценс, Дон-Жуан австрийский и герцог Александр Фарнезе. С ними боролись за освобождение родины графы Эгмонт, Горн и Вильгельм, принц Оранский.

Система управления порабощенным государством у завоевателей всегда была и пребудет одна и та же. Вступая во владение чужой страной, покоритель объявляет жителям, что их права и местные законы останутся ненарушимыми; что, несмотря на различие вероисповедания покоренной страны с государством, ее покорившим, ей предоставляется свобода совести и что новый властитель этой страны будет любить новых своих подданных, как отец родных детей. Иногда для пущей важности подобные обещания подтверждались торжественною клятвою. Первые годы чужеземный властитель соблюдает данные им обещания и остается верным данному слову: потом мало-помалу он начинает прибирать покоренную страну к рукам: отменяет некоторые статьи существующей конституции, ограничивает права граждан, во главе администрации сажает своих креатур… посягает наконец (если он иноверец) на свободу богослужения. Порабощенный народ терпит год, другой; десятки лет переносит иногда тяжкое иго и оканчивает обыкновенно либо восстанием, либо, оподляясь

вследствие долговременного рабства, покорствует и с течением времени сливается воедино с народом-поработителем посредством уз кровного родства или посредством перехода в вероисповедание народа-поработителя.

В этих немногих строках – история Нидерландских штатов со времени присоединения их к монархии Карла V. Семнадцать областей республики управлялись каждая особенной конституцией; правители некоторых были штатгальтеры; важнейшие государственные дела обсуждались и решались общим собранием выборных. Посредником между императором и нидерландскими областями был обер-штатгальтер. Признав над собою власть императора и изъявив согласие на то, чтобы власть эта была наследственною, государственные чины Нидерландских штатов выговорили себе право принимать или не принимать участие в войнах, ведомых императором с другими державами. Этот договор Карл V утвердил клятвенным обещанием, которому не преминул изменить при первом удобном случае. Он, раздав государственные должности своим австрийским и испанским вельможам, занял республику своими войсками, вовлек ее в войну с Францией. Принятие нидерландцами нового учения Лютера побудило Карла V учредить в республике инквизиционное судилище под скромным именем совета духовных дел. При всем том нидерландцы терпели и не протестовали на криводушие Карла V; он был только деспотом – сын его явился тираном.

Тогда началась борьба между двумя народами, в нравственном и физиологическом смысле диаметрально противоположными друг другу. Эту борьбу всего ближе можно уподобить борьбе двух стихий – воды и огня: Нидерланды были олицетворением первой, Испания со своими инквизиционными кострами – второго. Нам известно из физики, что от сочетания воды с огнем родится парсила могучая. Управляемая опытною рукою, она благодетельна, но при малейшей неосмотрительности машиниста самый этот пар рвет котел и разрушает машину… Так было и с испанским владычеством в Нидерландах: терпение народа лопнуло и взрыв революции разбил вдребезги затейливые махинации Карла V и Филиппа II.

Первою ошибкою тирана было формальное введение инквизиции и назначение правительницею Нидерландов, вопреки желанию народному, Маргариты Пармской при посредничестве кардинала Гранвеллы. Маргарита была, так сказать, лицом подставным; главную же роль играл ее советник и сотрудник Антоний Перено, внук кузнеца, родившийся в Бургундии 20 августа 1517 года. Окончив курс наук в Литтихе, особенно изучив

семь иностранных языков до такого совершенства, что мог одинаково свободно изъясняться на них, Антоний для достижения своих честолюбивых целей избрал карьеру духовную. Двадцати лет, он был архиепископом Аррасским. Принимал участие в сеймах Тормском, Регенсбургском и в Тридентском соборе. Карл V, обратив внимание на богатые дипломатические способности Антония Перено, пожаловал его в государственные советники (в 1550 г.). Мир в Пассау и договор в Шато-Камбрезисе были заключены и редактированы по плану Антония. После смерти Карла V Антоний не только не лишился занимаемых им должностей, но еще сумел снискать особенное благоволение Филиппа II благодаря своей вкрадчивости, умению носить личину смирения и покорности, а самое главное – служить интересам инквизиции, которой Антоний Перено постоянно пребывал всепокорнейшим рабом. Управляя Нидерландами, он действовал в духе иезуитизма, на словах проповедуя кротость и милосердие, на деле же прибегая к мерам крайнего насилия; мерам тем более нестерпимым, что они касались вопроса неприкосновенного: свободы совести и веротерпимости. Ненависть нидерландцев к прелату в два, три года достигла крайней степени. Со своей стороны и Филипп II был им недоволен; кардинал думал действовать умом там, где, по мнению короля, следовало прибегнуть к грубой силе. Пожаловав его в архиепископы Мехельна и исходатайствовав ему кардинальскую шапку под именем кардинала Гранвеллы, Филипп отозвал Гранвеллу из Нидерландов в Франт-Конте (1564 г.). Здесь Гранвелла провел шесть лет в собесед-ничестве со своим секретарем Юстром Липсием и ученым-эллинистом Суффридием Петри, услаждая скуку почетного своего изгнания занятием науками. В 1570 году Филипп II вызвал его для отправки в Рим с важным дипломатическим поручением касательно заключения оборонительного союза с папою против турок, угрожавших нападением на берега Сицилии. Успешно исполнив возложенное на него поручение, Гранвелла в качестве вицекороля отправился в Неаполь, где в течение пяти лет управлял краем с редким тактом и умением. Филипп, придерживаясь правила – не давать особенно быстрого хода людям даровитым, чтобы они не зазнавались, – отозвав Гранвеллу из Неаполя в Испанию, облек его саном президента верховного государственного совета. Последним дипломатическим подвигом кардинала Гранвеллы было заключение брачного договора между инфантою Катериною и герцогом Савойским. Этот родственный союз Испании с Савойею упрочивал влияние последней на Северную Италию. Страдая издавна изнурительной болезнию, Гранвелла скончался 21

сентября 1586 года, завещая, чтобы его похоронили в Безансоне, в одной гробнице с его покойным отцом. В 1793 году, во время революции, свинцовый гроб кардинала был исторгнут из склепа и, опорожненный от бывших в нем костей и праха, года три служил корытом для водопоя лошадей на городской площади.

Умный, превосходно образованный, одаренный всеми талантами истинного дипломата, кардинал Гранвелла в то же время был безмерно честолюбив, завистлив и чересчур привязан к интересам католицизма, поддерживаемым инквизициею. В Варфоломеевской ночи, например, он видел весьма разумное и доброе дело, лучше этого, по его мнению, Карл IX и Катерина

Медичи ничего не могли придумать! За это одобрение злодейства неслыханного не заслуживает кардинал Гранвелла внимания потомства, несмотря ни на свой ум, ни на любовь к наукам. При Филиппе II – тигре в образе человеческом – Гранвелла был старой лисицей. Отзывая его из Нидерландов, Филипп назначил на его место не льва (подобное сравнение было бы слишком лестно для памяти герцога Альбы), а просто лютого вепря, кровожадного палача – герцога Альбу.

Девять лет этот изверг умиротворял мятежные Нидерланды. В эти девять лет край был доведен до совершенной нищеты; торговля, промышленность – пали; до ста тысяч граждан эмигрировали в Германию и во Францию, и восемнадцать тысяч человек погибло на эшафоте. Постоянно побеждая Вильгельма Оранского, вытеснив его наконец из Нидерландов, Альба, пользуясь усмирением мятежа, принялся выказывать свои административные способности, превращая торговые города в цитадели, заселяя их буйной солдатчиной, утверждая королевскую власть на кострах, плахах, виселицах, темницах и казармах. Графы Эгмонт и Горн, Жильбер, Петр д'Андело и с ними до тридцати вельмож нидерландских были первыми жертвами палача Альбы (в июне 1568 года). Лучшего себе наместника Филипп II едва ли мог и выбрать!

В то самое время, как в Нидерландских штатах свирепствовал герцог Альба, при дворе короля в Испании разыгрывалась кровавая семейная трагедия, героем которой был его сын инфант Дон-Карлос. Аббат Сен-Реаль, Кампистрон, Ксименес, Андрей Шенье, Отуэй, Альфиери и Шиллер, обессмертив Дон-Кар-лоса в своих романах и трагедиях, выставили его – увы! – далеко не таковым, каков он был в действительности. У Альфиери это мученик, у Шиллера – иенский или мангеймский студент, честная, прямая душа, восторженная натура, орленок в золотой клетке… Повторяем: инфант Дон-Карлос, сын Филиппа II, был далеко не похож на Дон-Карлоса – детище фантазии Шиллера. Во

многих отношениях жалкая эта личность напоминает нам другую, из недавнего времени, именно сына Петра Великого – царевича Алексея Петровича… Даже загадочная смерть того и другого была почти та же. Шиллер при изображении в своей трагедии Дон-Карлоса ровно настолько же погрешил против истины, насколько был ей верен при изображении Филиппа II.

Дон-Карлос родился в Вальядолиде 8 января 1545 года. Родительница его, первая супруга Филиппа II, Мария Португальская, скончалась через четыре дня после появления Карлоса на свет. Младенец был слабый, хилый и увечный; одна нога у него была короче другой. Растили его, как говорится, в хлопчатке, потакали капризам, предупреждали малейшие желания, и вследствие этой излишней заботливости и баловства из Карлоса вышел злой, своенравный и капризный мальчик. Воспитание его было доверено французу Боссюлюсу, побочному сыну монаха Сен-Дени, человеку безнравственному и со злым сердцем. Беседуя с воспитанником, наставник постоянно злословил ему его отца и, так сказать, по каплям вливал в молодое, восприимчивое сердце инфанта ненависть к королю и ко всем его приближенным. Однажды Карлос спросил Боссюлюса, правда ли, что тот незаконнорожденный?

– Правда, – отвечал тот, – но, во всяком случае, мой отец получше вашего!

Благодаря подобным шуткам и наветам воспитателя между сыном и отцом возрастала ледяная стена обоюдной холодности и взаимного недоверия. Если бы Боссюлюс клеветал, Карлос легко мог бы опровергнуть клевету, указав на какую-нибудь светлую сторону отцовской личности; но таковой светлой стороны в наличности не обреталось. Патеры, шпионы, доносчики, инквизиторы – таков был придворный штат Филиппа II, и в ином он не чувствовал никакой надобности. Покорный чопорному и нелепому этикету, он и в ласках своих к сыну следовал пунктам и параграфам придворного устава, видя Карлоса в определенные часы, говоря ему то, что требовалось этикетом, улыбаясь ему… нет, в этом ошибаемся: во всю свою жизнь Филипп II никогда и никому не улыбался.

В 1560 году, когда Карлосу исполнилось пятнадцать лет, король, созвав государственные чины на чрезвычайное собрание в Толедо, объявил своего сына наследником престола. Через два года инфант Дон-Карлос отправился в Алкалу, в тамошний университет, но не мог окончить курса вследствие несчастного события, имевшего гибельное влияние на всю его жизнь. Всходя по лестнице дворца кардинала Ксименеса, инфант упал и, ударившись затылком о мраморную ступень, лишился чувств.

Призванные доктора, освидетельствовав молодого человека, не нашли никакого повреждения ни на голове, ни на теле. Придя в себя, Карлос ни на что не жаловался; но через одиннадцать дней у него открылась лихорадка. Врачи и хирурги по продолжительном совещании решились прибегнуть к операции: обрив голову инфанту, они подрезали ему кожу на затылке и на кости нашли багровое пятно, свидетельствовавшее об излиянии крови в подкостную плеву. Все меры, принятые к излечению больного, оказались тщетными; положение его ухудшалось день ото дня и стало наконец совершенно безнадежным. Тогда (по словам испанского историка Феррераса) король Филипп предложил врачам прибегнуть к помощи Божией через предстательство блаженного Дидация, хотя еще и не причисленного церковью к лику святых, но к которому инфант всегда питал особенное благоговение. По приказанию короля гроб с мощами был принесен в спальню больного; Карлоса накрыли пеленой, снятой с лица усопшего… Это прикосновение произвело благодетельный кризис. По просьбе короля папа римский признал блаженного Ди-дация святым, и больной инфант выздоровел. К несчастию, здоровый телом, он стал в то же время обнаруживать ненормальное состояние умственных своих способностей, или, говоря короче, в нем показались признаки помешательства. Оно выказывалось по временам глубокой задумчивостью, иногда же раздражительностью, доходившей почти до бешенства. Как-то ночью, гуляя с молодыми спутниками по мадридским улицам, инфант имел неудовольствие попасть под неожиданный душ: жильцы какого-то дома опорожнили за окно какую-то посуду и обдали инфанта помоями с головы до ног. Задрожав от бешенства, он тотчас же приказал своим спутникам поджечь дом со всех четырех концов. К счастию, товарищи сумасброда были в своем уме. Один из них войдя в дом, вскоре вышел оттуда, объявив Дон-Карлосу, что приказание его не может быть исполнено.

– Почему? – воскликнул сын Филиппа II.

– Потому что в одной из квартир находятся св. дары, принесенные из церкви.

– Это другое дело! – отвечал смирившийся инфант.

Был тогда в Мадриде комедиант Сиснерос, которого Дон-Карлос давно собирался видеть на сцене. Президент Спинола, за что-то прогневавшийся на комедианта, выслал его из столицы. Весть об этом распоряжении дошла до ушей инфанта. В тот же день он встретил президента на дворцовой лестнице и, схватив его за горло и выхватив из-за пояса кинжал, крикнул:

– Как ты смел выслать Сиснероса? За это сию же минуту я

всажу тебе клинок в сердце…

Президент, упав на колени, едва мог вымолить пощаду.

В другой раз адъютант Дон-Карлоса, молодой человек знатнейшей фамилии, замедлил явиться к нему в комнату на звонок. Не говоря ни слова, инфант, схватив виновного за ворот, потащил его к окну, чтобы выкинуть на улицу, и бедняга едва спасся бегством.

Как-то сапожник не угодил инфанту, сшив ему слишком узкие ботинки. Дон-Карлос, изрезав их в мелкие куски, заставил сапожника съесть их, и волей-неволей сапожник съел это кушанье, приготовленное руками его высочества. Хотя каждый ремесленник кормится своею работою, но едва ли это не единственный случай буквального подтверждения этой истины!

Все эти анекдоты, заимствованные нами у Феррераса, доказывают, что Дон-Карлос годился скорее в герои арлекинады, нежели трагедии. И этому идиоту Шиллер влагает в уста свои чудные идеи и чувства; между прочим стих:

> Drei und zwanzig Jahre,
> Und nichts fur die Unsterblichkeit gethan.[4]

Впрочем, смеем ли укорять бессмертного поэта, подарившего человечеству своего Дон-Карлоса? Создал же Шекспир своего Гамлета из какого-то полоумного датского принца!..

Ненависть к отцу, сдержанная в детстве, выразилась в Дон-Карлосе-юноше ядовитой выходкой. Он выпустил в свет книгу, состоявшую из чистых страниц, озаглавленных: «Великие и удивительные путешествия короля Филиппа» (Los grandes y admirables viajes del rey don Philipe). Чтобы понять всю соль этого бессловесного пасквиля, надобно знать, что король в последние двадцать лет жизни только и ездил из Мадрида в Эскуриал и обратно.

Принимая во внимание слабоумие сына, Филипп II не только не давал ему никаких должностей, но в 1563 году вызвал из Австрии своих племянников, эрцгерцогов Родольфа и Эрнста с намерением одного из них назначить своим преемником. Он встретил их в Барселоне 5 января 1564 года, оказав при этом ласку, как родным сыновьям. Это была ошибка со стороны Филиппа, и ошибка жестокая! Дон-Карлоса следовало лечить, а не раздражать; снисходительность и кротость помогли бы… Но мы опять впадаем в заблуждение: Филиппу II неведомы были ни кротость, ни снисходительность. На душевные недуги смотрели тогда (в Европе вообще, в Испании в особенности) как на бесовское наваждение; безумных отчитывали, экзорсировали…

Если же человек был помешан на вопросе религиозном или воображал себя чародеем, в таких случаях инквизиция лечила его радикально – железом или огнем. Недаром же еще Гиппократ говорил: «Огонь исцеляет (Ignis sanat!)»!

Женитьба Филиппа II на прелестной Елизавете Валуа, которую он прежде прочил в супруги своему сыну, была вторым безжалостным ударом, нанесенным уму и сердцу несчастного молодого человека. Судя о дочери Генриха II по рассказам и по портретам, инфант влюбился в нее; он утешался мыслию быть мужем красавицы, которая (почем знать!) могла бы иметь на него благотворное влияние, и вдруг эта самая красавица делается женою его отца, а его, Карлоса, мачехою! От подобной шутки судьбы и здравомыслящий человек может потерять рассудок; каково же было перенести ее полупомешанному? К мрачным мыслям инфанта присоединилась новая, тяжелая, неотразимая: любимая им женщина в объятиях другого; этот другой – его отец! Чтобы утешить огорченного Карлоса, король обещал ему приискать другую невесту, именно эрц-герцогиню Анну Австрийскую. Эта замена доказывает, какими глазами Филипп II смотрел на сердце человеческое вообще, сыновнее – в особенности.

Противны, гадки стали бедному инфанту и отец, и мачеха, и родина… По влечению, свойственному всем вообще меланхоликам, Дон-Карлос намеревался покинуть родину и ехать на защиту острова Мальты, тогда блокируемого турками. Приготовив на путевые издержки 50000 червонных, инфант под секретом сообщил о своем намерении гранду Рюи-Гомесу де Сильва; этот, в свою очередь, довел о том до сведения короля. Филипп поручил вельможному шпиону заготовить подложное письмо, будто бы полученное с Мальты и извещавшее об отражении турок; поездка, таким образом, делалась бесполезною. Дон-Кар-лос поверил обману и остался, по-прежнему снедаемый тоскою и мучимый жаждою деятельности. Он умолял отца позволить ему ехать в Нидерланды на смену ненавистному герцогу Альбе; на эту просьбу Филипп II отвечал насмешками. Раздраженный обхождением короля, бедный инфант решился бежать в Германию, а оттуда пробраться в Нидерланды. Тамошние жители сами желали назначения Дон-Карлоса, надеясь найти в нем доброго посредника и ходатая перед Филиппом. Уполномоченные согражданами граф Берг и барон Монтиньи виделись с Дон-Кар-лосом; он вошел в тайную переписку с начальниками народного восстания. В это время просветлел рассудок бедного инфанта, озаренный доброй и счастливой мыслею примирить отца с его подданными, выговорив им все те

права, которые они отстаивали… Бедный ребенок воображал, что он сможет низложить герцога Альбу и вымолить у Филиппа II возвращения нидерландцам их конституции и уничтожения в штатах ненавистной инквизиции! Муравей надеялся сдвинуть гору, мошка намеревалась порвать сеть, сплетенную из стальной проволоки…

Переписка велась настолько секретно, что ускользала от глаз шпионов, которыми изобиловал испанский двор; но опять и на этот раз Дон-Карлос ошибся в выборе конфидентов. Первый из них, Гарсиа Альварес Оссорио, отправился в Сельвию для займа 600000 ефимков, необходимых на путешествие; другим сообщником инфанта был его побочный дядя Дон-Жуан австрийский… Ему сообщил Дон-Карлос о своих замыслах. Этот победитель турок при Лепанте попробовал сначала отговорить инфанта, но, видя, что он упорствует, выдал его королю. Устраняя сына от всякого следствия, Филипп приказал только усилить за ним надзор, барон Монтиньи поплатился за свои сношения с инфантом головою.

Тогда отчаяние окончательно овладело Дон-Карлосом, и он снова погрузился в меланхолию; но тогда же судьба послала ему ангела-утешителя в лице королевы Елизаветы. Она, бедная, страдала не менее своего пасынка, увядая на чужбине, в стенах мрачного дворца, обремененная оковами этикета и ласками немилого мужа. Не было ей иной отрады, кроме молебствий в храмах; не тешил ее Филипп II иными развлечениями, кроме процессий да разве казней еретиков, при которых королева, разумеется, никогда не присутствовала. Жалея от всей души бывшего своего жениха, Елизавета мало-помалу перешла от чувств сожаления к иным, менее бескорыстным… Она почувствовала любовь, и любовь страстную, к пасынку. Видеться молодым людям, кроме как на выходах, было невозможно; говорить без боязни быть подслушанными – тоже. Поневоле пришлось прибегнуть к переписке.

С этой минуты Дон-Карлос как будто переродился, или, лучше сказать – переменил пункт помешательства. Постоянная мысль об Елизавете слилась в его разуме с мыслию о следящих за ними шпионах и злоумышленниках. Он не расставался с заряженными пистолетами; обвешал оружием стены своей комнаты; поручил архитектору Людовику де Фуа (строителю Эску-риальского дворца) устроить в ней дверь с потайной пружиною, которая, замыкая ее изнутри, делала бы невозможным всякое нечаянное или насильственное вторжение в комнату. Кроме того, для хранения записок королевы и писем нидерландских своих друзей он заказал железную шкатулку,

которую держал под изголовьем постели… Иногда проговаривался он о твердом намерении убить какого-то человека, от смерти которого зависит все счастие его жизни. На кого намекал несчастный? Может быть, и на отца…

Последний, которому дворцовые шпионы донесли о каких-то таинственных сношениях королевы с пасынком, стал внимательно следить за ними. От его ревнивых глаз не ускользнули вскоре знаки, которыми Елизавета разменивалась с Дон-Кар-лосом… Ревнивые подозрения короля оправдались, когда он заметил, что сын особенно часто ходит на половину Елизаветы под разными более или менее благовидными предлогами. Чем теснее сходился инфант со своею возлюбленною, тем, разумеется, становился непочтительнее к отцу-сопернику. Мысль отделаться от него зрела в душе инфанта, но в самых средствах, изыскиваемых им для отцеубийства, проглядывало несомненное помешательство. Вычитав в какой-то хронике рассказ о том, как один прелат убил своего слугу ударом книги в голову, Дон-Карлос попросил Людовика де Фуа сделать ему каменную книгу в четырнадцать фунтов весом, прикрыв камень кожаным переплетом и подкрасив края под цвет обреза. Этим массивным пресс-папье инфант хотел размозжить голову своему родителю. Маскируя орудие смерти, он и не думал о замаскировании ее самой; отваживаясь на ужаснейшее из всех преступлений, безумец счел долгом сообщить о своем намерении духовнику на исповеди, в рождественский сочельник, 24 декабря 1567 года. Инфант не сказал, кого именно он хочет убить, а только упомянул, что умышляет на убийство.

Почтенный патер, подобно всему испанскому духовенству того времени, был вместе с тем шпионом инквизиции и его величества короля. Он передал Филиппу от слова до слова признания инфанта, и король решился прибегнуть к отчаянным мерам.

18 января 1568 года, в глухую ночь, Филипп II, сопровождаемый шестью грандами, вошел в комнату спящего сына и всего прежде овладел заветной шкатулкою с бумагами. Пробудившийся инфант, увидя отца, не решился пустить в ход ни холодного, ни огнестрельного оружия, которыми были увешаны стены его спальни. Протянув руки к Филиппу, заливаясь слезами, он воскликнул:

– Батюшка… я не сумасшедший. Не убивайте, пощадите меня!! Вспомните, я сын ваш!

– Никто и не думает убивать тебя, – отвечал король спокойно, – однако же как отец я должен родительски наказать тебя.

В ту же ночь инфант был переведен в пустую, отдаленную

комнату дворца и отдан под надзор четырех придворных. Здесь рассудок окончательно покинул страдальца: он отчаянно метался в предчувствии готовящихся ему истязаний и, чтобы избежать их, несколько раз покушался на самоубийство. Жалуясь на холод в комнате, он попросил затопить камин и, когда дрова разгорелись, бросился в огонь, из которого его тотчас же, но с большим трудом вытащили. После этой неудачи он пытался уморить себя голодом, жаждой, обжорством; проглотил крупный брильянт в надежде подавиться им. Своевременно принятыми мерами ему спасали жизнь и берегли ее – для казни, для пытки или только для допросов? Про то ведает Бог… Доныне это тайна неразгаданная. О смерти Дон-Карлоса, о дне, в который она постигла страдальца, существует несколько предположений, много догадок, и все-таки неизвестно ничего наверняка.

Сказания испанских историков, особенно эпохи, близкой к событию, пристрастны, а потому и весьма сомнительны; иностранные летописцы, особенно протестанты, писали о Филиппе II, вдохновляемые ненавистью. С одной стороны, находим льстивые панегирики, с другой стороны – пасквили. Кому тут верить?

Феррерас говорит, что инфант Дон-Карлос умер в феврале 1568 года от нервической горячки. Иностранные авторы, опровергая Феррераса, утверждают, что инфант погиб в июне смертью насильственной – задушенный, удавленный или отравленный ядом. Существует мнение, будто Филипп II предоставил сыну самому избрать себе род смерти, и Дон-Карлос умер, подобно Сенеке, в теплой ванне, открыв себе вены на руках и на ногах. Об арестовании сына и потом о его смерти король испанский написал ко всем первостепенным европейским государям, оправдывая свою строгость изменою сына и его тайными сношениями с нидерландскими мятежниками; о связи Дон-Карлоса с королевою само собою не было сказано ни слова. Елизавета умерла в том же 1568 году, 3 сентября, на двадцать третьем году жизни. Ее кончину даже испанские историки приписали отравлению… Вопрос: сама ли она кончила жизнь самоубийством или была отравлена Филиппом II – доныне остается неразрешенным. Вообще на катастрофы смерти Дон-Карлоса и Елизаветы большинство смотрит сквозь романическую призму. Нет сомнения, что Филипп II способен был убить и сына и жену… А если тот и другая умерли своей смертью? Слабый организм Дон-Карлоса мог не выдержать последнего столкновения с отцом, и молодой человек легко мог быть жертвою горячки. Что же касается до королевы Елизаветы – разве стыд и отчаяние не могли убить ее не хуже всякого яда?

Окончив более или менее кровавой развязкой свои семейные дела, Филипп II с прежней энергией занялся политикой. Альба, свирепствуя в Нидерландах, со своей роли наместника перешел на роль диктатора и самовластного правителя, каким в двадцатых годах нашего столетия были в Греции Куршид-паша и Али-Тебелен Янинский. Если Гранвелла был временщиком благодаря уму и дарованиям, то Альба стал временщиком благодаря оружию. Филипп II скрепя сердце должен был терпеть самовластие наместника, Альба нужен был ему, как бывает нужно сильное и отвратительное лекарство в опасной болезни: по миновании надобности лекарство выбрасывается за окно, и так думал поступить с герцогом Альбою король испанский. Вместе с успехами усмирения мятежа возрастала гордость герцога Альбы.

1572 год ознаменован был позорными и кровавыми событиями Варфоломеевской ночи во Франции. В этом событии, как мы говорили (см. кн. 1), Филипп II и герцог Альба принимали весьма деятельное, хотя и косвенное участие. Кровь гугенотов, пролитая во Франции, подобно маслу, пролитому на огонь, ожесточила пламя мятежа в Нидерландах. Ожесточение жителей достигло крайней степени, но вместе с тем не ослабевала и лютость герцога Альбы. Вильгельм Оранский, бежавший в Германию, обратил внимание тамошних государей на бедственное положение его родины… Немецкие герцоги, князья и ландграфы негодовали, волновались, но только этим и могли выразить свое сочувствие Нидерландам. Вся Европа негодовала на Филиппа, вся Европа ему завидовала, но вместе с тем и боялась. Прислушиваясь к проклятиям нидерландцев герцогу Альбе, Филипп II внутренне сам его проклинал, но еще крепился и терпел до тех пор, покуда Альба не разгневал его своей дерзкой, надменной и нелепой выходкой. Видя, что король не награждает его заслуг по достоинству, или, может быть, считая их выше всяких наград, наместник-палач вздумал сам наградить себя, воздвигнув в память своих подвигов свою бронзовую статую в Антверпене с изображением коленопреклоненных перед собою вельмож и рыцарей нидерландских. За эту наглость Филипп II отозвал герцога Альбу вместе с сыном в Испанию, назначив на его место слабого, нерешительного Реквесценса в декабре 1573 года.

Встреча, оказанная герцогу при дворе, отличалась не столько почетом, сколько холодностью; Филипп II, очевидно, хотел напомнить временщику, что «время его прошло» и что пора ему стать в ряды обыкновенных придворных. Перенеся обиду довольно равнодушно, Альба не выказал раболепного смирения, которое всегда обнаруживается во временщике, постигнутом опалою. Король со своей стороны искал только удобного случая

удалить герцога от двора, и случай этот не замедлил представиться. Сын герцога, обольстив фрейлину королевы обещанием жениться на ней, женился на другой. Обманутая пожаловалась Филиппу II, который приказал старику Альбе – за потворство сыну, а последнему – за оскорбление, нанесенное двору, – удалиться из Мадрида в замок Узеду. Уподобляя себя Кориола-ну, Фемистоклу и прочим героям древности, которым отечество за их услуги отплатило неблагодарностью, герцог Альба повиновался повелению королевскому и шесть лет провел в изгнании. Оскорбленное его самолюбие было вознаграждено, а непомерная гордость вполне удовлетворена, когда Филипп II зимою 1579 года обратился к нему с просьбою принять начальство над войсками, отправляющимися в Португалию для присоединения этого королевства к испанской державе.

В 1580 году Филипп II к бесчисленным своим титулам присоединил и титул короля португальского. Теперь Филипп II мог бы сказать слова Шиллера: «В моем царстве солнце не закатывается!»[5] – если бы Нидерландские соединенные штаты не угрожали ему отпадением, а удержание их в повиновении не требовало громадных расходов на содержание там войск и гарнизонов!

Покорение Португалии было последним подвигом герцога Альбы. Благодаря героя за эту услугу, оказанную престолу и отечеству, Филипп II тем не менее не позволил герцогу возвратиться ко двору, и в 1582 году, 12 января, герцог Альба умер в своем замке семидесяти четырех лет от рождения. Гроб его осенили лавры, которыми по справедливости Испания почтила его память, и на веки вечные заклеймили проклятья, с которыми еще того справедливее сопрягали его имя нидерландцы, а с ними и все человечество.

Герцог Альба родился в 1508 году. Первая половина его жизни принадлежит к истории царствования Карла V и его войн с германскими протестами. В начале военного своего поприща Альба выказывал неуместную осторожность и нередко благоразумную уклончивость от боя, которые можно назвать не совсем лестным для герцога именем трусости.

Вместо осады или штурма крепостей он нередко советовал императору действовать подкупами. Один испанский дворянин, желая подшутить над герцогом, адресовал ему письмо с надписью: «Его светлости герцогу Альбе, предводителю императорско-королевских войск в мирное время и министру двора во время войны». Этот грубый намек на уклончивость герцога от воинской службы произвел на него магическое действие, и с этой минуты Альба посвятил все свои способности на высшее военное

образование, изучая науки, без знания которых невозможно быть военачальником. Его войны с Вильгельмом Оранским в Нидерландах, по мнению знатоков, доныне достойны удивления и изучения, как превосходно разрешенные стратегические задачи. Усердный католик наружно, герцог Альба в душе был заклятый атеист, веруя, подобно древнему язычнику, только в бога войны, т. е. в грубую животную силу, способную противодействовать силе Божией правды. В бытность свою при дворе Генриха II для заключения от имени своего короля брачного контракта с принцессой Елизаветой Альба рассказывал как-то о сражении при Мюльберге, в котором он участвовал.

– Правда ли, – спросил Генрих II, – что во время битвы были какие-то чудесные видения на небесах?

– Не знаю, ваше величество, – отвечал герцог с улыбкою, – я так был занят тем, что делалось на земле, что не имел времени обратить внимания на небо!

Он мог бы прибавить, что и во всю свою жизнь не думал о небе, иначе не обременил бы своей совести казнями восемнадцати тысяч человек!

В последние шесть лет испанского владычества в Нидерландах наместниками были: Реквесценс, умерший в 1577 году, Дон-Жуан австрийский (один год) и Александр Фарнезе, сын Маргариты Пармской. Первый, как мы уже говорили, был воплощенная слабость; второй надеялся водворить спокойствие в мятежных областях ласкою и льстивыми обещаниями; третий, ученик политической школы Макиавелли, верный его правилу: divide ed impera (разделяй и властвуй), сумев привлечь на свою сторону южные штаты, начал ссорить их с северными. Александр Фарнезе рассчитывал при этом на различие вероисповеданий, так как южане были католики, а северяне протестанты. Проникая в коварные умыслы Александра Фарнезе, Вильгельм Оранский предложил штатгальтерам северных областей отделиться от областей южных и образовать особую независимую республику. Утрехтским договором, на который собрались все государственные члены, Голландская республика была провозглашена независимою от владычества испанского и ничем не связанною с южными штатами (1579 г.). В штатгальтеры единодушно был избран Вильгельм Оранский, и таковым признали его все европейские державы; из них Великобритания была первою. Теперь Филиппу II пришлось бороться уже не с одними мятежниками, а с державою сильною, могучею, особенно на море… Признавая себя побежденным Вильгельмом Оранским или, по крайней мере, низведенным им с высоты величия, Филипп отомстил ему убийством из-за угла. В 1584 году фанатик

Вальтасар Жерар за соответствующую сумму взялся быть орудием мести испанского кровопийцы. В июле месяце он явился в замок Дельфт будто бы для подачи прошения Вильгельму, и в ту минуту, когда штатгальтер стал читать поданную ему бумагу, Жерар выстрелил по нем в упор из пистолета, заряженного тремя пулями. Убийца, тотчас же схваченный, на допросах выказал необыкновенную твердость и, не выдавая Филиппа, стоял на том, что действовал по внушению небесному. 14 июля 1584 года его казнили, и эта казнь служит доказательством зверства тогдашних нравов. Палачи до кости прожгли ему правую руку горящей серою; мягкие части тела выстригли раскаленными щипцами… потом рассекли грудь и, вырвав сердце, били труп этим сердцем по лицу. Тело Жерара было изрезано на куски, и каждый из них был отослан в главнейшие города республики для позорной выставки на площадях. Филипп II дал семейству казненного дворянские грамоты.

– Жаль, – сказал он при этом, – что Вильгельма не убили года два тому назад… Церковь и я были бы тогда в великом выигрыше!

Убиение Вильгельма Оранского не пошатнуло прочных оснований Голландской республики. Штатгальтеру наследовал сын его, Маврикий.

В первый день июля 1588 года из Лиссабона отплыл громадный флот под хвастливым именем Непобедимой Армады и под начальством адмирала Медина-Сидонии. Об участии Армады мы уже говорили. Весть о гибели флота, сооружение которого обошлось Испании во многие сотни миллионов, была принята Филиппом II если не с покорностью христианина, то с мужеством язычника-стоика. Адмирал Медина-Сидония, имевший стыд пережить гибель своих кораблей, явился к королю с видом приговоренного к смерти в ожидании, что над его головою разразится буря, подобная той, которая истребила Армаду. Сверх чаяния Филипп II принял адмирала с необычайной ласкою и, подавая руку, сказал:

– Ты не виноват! Я посылал тебя сражаться с людьми, а не со стихиями…

Десять последних лет жизни Филиппа II протекли в интригах религиозных, которые тогда волновали Францию. Король принимал деятельное участие в святой Лиге (la Sainte Ligue), содействовал католической пропаганде и насколько мог способствовал гонению протестантов. Под старость чувства человеческие окончательно покинули короля, и сердце его закалилось в слезах и крови многих тысяч жертв его изуверства. В начале 1598 года Филиппа II постиг смертный недуг, осложнившийся мучительной подагрой – отголоском шалостей

бурной молодости. Страдания свои король переносил с большим мужеством, даже имел твердость шутить с окружающими. Так, он сказал докторам, задумавшимся над вопросом: пускать ли ему кровь?

– Пускайте, пускайте! Не жалейте нескольких ложек крови человека, который за сорок четыре года своего царствования пролил целые реки крови еретиков.

В первых числах сентября 1598 года положение больного стало безнадежным, а 13-го числа он скончался.

Этой страшной личностью мы заканчиваем обзор XVI века, которого Филипп II был достойнейшим сыном и представителем. Явление утешительное: ни в XVII, ни в XVIII столетиях мы уже не встретим подобных ему чудовищ, хотя и в этих двух веках нам придется встретить личности и явления крайне возмутительные, но таковые можно обрести даже в нашем гуманном, прогрессивном и цивилизованном столетии.

notes

Примечания«

1

Он был сыном эрцгерцога австрийского Филиппа Красивого и Хуаны Безумной.

2

Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande von der Spanischen Regierund. Munchen, Stuttgardt. Verlag der I. G. Gottдschen Buchnandlung. 1830 in 4, p. 801–802.

3

Для незнакомых с немецким языком указываем на издание полного перевода сочинений Шиллера (Ник. Гербеля, 1870 г. Т. VIII и XI).

4

Мне двадцать три года, и я ничего еще не сделал для бессмертия! («Дон Карлос». Акт второй. Выход второй.)

5

Die Sonne geth in meinem Staat nicht unffter! (Schiller. «Don Karlos». Erster Akt, sechster Auftritf.)